

Из воспоминаний Недоступ Нины Фатеевны

Н. Ф. Недоступ

Родилась 15 ноября 1924 года в п. Алексеевка Славгородского района Алтайского края в многодетной семье Фатей Ивановича и Зинаиды Афанасьевны Ена. У каждого из супругов это был второй брак, а от первого брака у каждого были дети: у отца – Кузьма, Демьян, Анна, у матери – Яков и Иван (умер ещё маленьким). Появились общие дети – Нина, Иван, Ольга. Семья жила в новом просторном саманном доме, который делали из глины и соломы, т.к. в округе на многие километры не было леса, имела хороший земельный участок, на котором все

работали, не покладая рук, и считалась по тем временам небедной. В личном хозяйстве были корова, лошадь, несколько овец, имелись крепкая телега, плуг, сенокосилка. Сеяли пшеницу, лён, коноплю, подсолнух, горох, сажали картофель. На бахче выращивали арбузы и дыни. Всё лето и осень семья была занята заботами о будущем урожае: поливали, пололи, тяпали. Зато как красиво выглядели осенью огромные поля спеющей пшеницы, жёлтого подсолнуха, голубого льна, духмяной конопли! Наступало время уборки урожая, и начиналась страдная пора. Убирали пшеницу, потом копали картошку, рвали лён и коноплю, ставили их в снопы. Старались убрать всё по погоде и без потерь. А ещё сенокос! Когда с полей было всё убрано и вывезено, наступало время мо-

лотьбы. Зерно отвозили на мельницу, семена подсолнечника – на маслобойню, лён и коноплю замачивали и трепали для получения волокна. Из бахчевых готовили сладкое и ароматное варенье: нарезанные кусочками арбузы и дыни (без корок) насыпали в глубокий чан и уваривали до густоты повидла, причём сахар вообще не добавляли. Излишки сельхозпродукции отец отвозил в г. Славгород, что был в 40 километрах от деревни. Продав их, он на вырученные деньги покупал и привозил домой «товар» (так тогда называли ткань фабричного изготовления) и пряники для детей, называя их «гостинцами от зайчика». Дети с особым удовольствием грызли их, удивляясь, какие вкусные прянички умеет стряпать зайчик. Зимой старшие братья и отец работали на заготовке дров, а младшие помогали по хозяйству.

В 1929 – 1930г.г. по всей стране прокатилась волна раскулачивания, которая не обошла стороной и Алтайский край. Раскулачивали не только кулаков-эксплуататоров, но и семьи, которые просто крепко стояли на ногах.

В 1929-м году у семьи Ена отобрали всё: дом, скот, весь рабочий инвентарь, зерно, продукты. Дошло до того, что взяли икону из красного угла вместе с рушниками и подзорами, сдёрнули занавески с окошек (Нина Фатеевна до сих пор помнит, какими были они нарядными: нежная лёгкая светлая ткань с узкими вертикальными и горизонтальными полосками, образующими клетки, а в каждой клетке – красивая розочка). Распотрошили содержимое сундука, забрали валенки и, уходя, прихватили даже собаку. При этом никакой описи отображенного имущества не велось. А вскоре некоторые свои вещи они увидели в домах соседей-бедняков, а жена председателя сельского совета, не стесняясь, щеголяла в полушубке их матери. Его нельзя было спутать ни с каким другим: белого цвета, приталенный, он был оторочен по краям белым мехом. В их новом доме расположился сельский совет, а их самих выгнали в старый курятник, размером 2х3 метра. Родители ухи-

трились и спрятали немного картошки под половицы, но и этот небольшой запас, вскрыв пол, выгребли.

А тут новая беда свалилась на семью: они остались без отца - кормильца. Его посадили на 3 года по доносу соседей, которые обнаружили спрятанную под копной сена сенокосилку (она тоже подлежала конфискации) и доказали, что сделал это Фатей Иванович. Тот, не желая отдавать её, оттолкнул уполномоченного, и его арестовали за сопротивление властям. При аресте, ещё не зная, какой срок ему дадут, и увидит ли он семью, Фатей Иванович крикнул жене: «Тыльки дытей бережи!».

А семья голодала. Продуктов питания практически не было, дети постепенно слабели. Из-за голода мать вынуждена была послать старших детей побираться. Но голодно тогда было многим: в результате раскулачивания справных хозяев сделали бедными, а у бедных лишним ничего не бывает, тем более продукты. Поэтому дети, обойдя свою деревню и соседние (а там кто подаст, а кто собак натравит), возвращались чаще всего с пустыми котомками.

В мае 1930-го года в Алтайском крае началось массовое выселение раскулаченных крестьян на постоянное проживание в отдалённые необжитые местности Западной Сибири. Семья Ена тоже подлежала выселению. С собой им брать ничего не разрешили. Из отрывочных детских воспоминаний (на момент высылки Нине было 5,5 лет) помнится, что они (мать и 6 детей) ехали сначала на поезде, потом больше месяца на барже по рекам Иртыш, Обь, Васюган, Нюролька. А по пути следования на двух битком набитых баржах, которые тянул тихоходный катер, каждый день от голода и болезней умирали люди. Раз в день катер останавливался, и на берег отправляли мужчин и подростков (в их числе был и брат Кузьма). Они рыли длинную яму и укладывали в неё умерших, перекладывая каждый слой пихтовыми и еловыми ветками. Так похоронили и их младшую сестрёнку Олю, которой не было ещё

и года. Знакомый их семьи Пануренко Фёдор¹, видя, как голодают дети, брал маленького брата Ваню на руки и с кепкой в руке обходил баржу. Кто-нибудь да сжалится и даст сухарик. Так и наберут кусочков, и дети хоть немного, но утолят голод. Наконец тягостный путь подошёл к концу.

Высадили их и ещё три семьи в глухом безлюдном месте на берегу реки Ньюролька.

...Было очень тяжело, но все четыре семьи поддерживали друг друга физически и морально. Совместными усилиями был построен из жердей барак. Щели между ними заткнули сухой травой, еловыми лапками, обмазали глиной, смешанной с соломой. Барак разделили тряпичным рядом на четыре части: каждой семье свой закуток. Пол засыпали сухими листьями, укрывались одеялом, сотканным матерью ещё до высылки из овечьей пряжи почти в палец толщиной. Позднее мать распустила одеяло и навязала

*Мать Зинаида Афанасьевна Ена
с внучкой Ниной, п. Новоуралка.
Снимок 1954-55г.г.*

¹ Пануренко Фёдор Анфигенович, 1894г., род. с. Сергеево Херсонской обл., проживал в п. Рабочий, член к/х «Большевик». Арестован в 1942г. Осуждён к расстрелу с последующей заменой на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. («Большая людская» - из газеты «Северная правда» от 19.05.1995г.).

из него носки детям. Удивительно, но эту голодную и холодную зиму семья Ена пережила без потерь, а вот соседи по бараку до весны не дожили: умерли от голода и болезней.

Надо отдать должное матери, Зинаиде Афанасьевне: она сделала всё возможное, чтобы дети при таком скудном пайке, что выделяли ссыльным, не умерли с голоду. Полученную муку она перемеряла небольшой кружкой. Разделив количество отмеренных кружек на число дней в месяце, прикидывала, сколько муки может расходовать в день до получения следующего пайка, и строго придерживалась этой нормы.

Вот так, питаясь мучной затирухой, они протянули до весны 1931-го года. А в марте этого же года, после трёх лет тюрьмы, возвратился отец Фатей Иванович. С разрешения властей он перевёз семью, оставшуюся в одиночестве на месте их первого поселения, с Нюролки вверх по Васюгану в п. Новоуралка.

Этот посёлок тоже был основан раскулаченными спецпоселенцами, высланными сюда в 1930-31г.г. Позже здесь будет организована неуставная промартель «Прогресс», занимающаяся выращиванием коров и овец. Но это будет позже, а в первую очередь по окончании строительства барачных мужичины-ссыльные взялись за возведение в Новоуралке 4-классной школы. Какая это была радость для всех! А первая учительница Мунира Вафеевна Багаутдинова! Всегда ласковая, доброжелательная – она для пострадавших детей была тем «лучом света в тёмном царстве», который протянул им тёплую руку и повёл по пути знаний, помогая хоть на несколько часов в день отвлечься от тяжёлой действительности. Жажда к учёбе была столь велика, что дети заготавливали бересту и писали на ней, пока не прислали тетради. Нина, пошедшая в 1-й класс в 1935-м году, любила учиться и все четыре школьных года в Новоуральской начальной школе была отличницей.

Но как ей это доставалось! Жили они, восемь человек, в землянке (родители и шестеро детей: в январе 1934-го года в семье

родилась ещё одна дочь, названная Олей). Тесно и голодно: у матери грудной ребёнок, у отца пошатнулось здоровье после тюрьмы. Но он со старшими сыновьями взялся за постройку избы. А в 1936-м году, ослабев от голода и болезней, но доведя строительство до конца, отец и сын Демьян умирают. Дostatка в семье и раньше не было, а теперь и вовсе не стало, и каждый старался хоть как-то заработать себе кусок хлеба. Нина жила в няньках у учительницы Анны Сергеевны Молодцовой: нянчила за еду её детей. Квартира учительницы и её мужа, продавца ларька (в годы войны он погибнет на фронте), находилась здесь же, в школе. Для этого тупиковую часть школьного коридора отгородили досками, и получились две небольшие комнатки.

После окончания 4-х классов она отправилась за 56 км учиться в Усть-Чижапскую семилетнюю школу. 1939-1940 учебный год Нина проучилась, живя в людях, питаюсь тем, что присылали из дому: картошкой, хлебом. Когда продукты заканчивались, а по пути из дома не ожидалось, опять шла в няньки.

В следующий, 6-й класс, в 1941-м году Нина уже не пошла: у семьи, оставшейся без отца, не было средств учить её дальше. И она устроилась работать в засольный цех, открытого недавно предприятия Гослова, в соседней Забегаловке. Солили всякую рыбу: окуня, щуку, подъязка, чебаков. Их продукция шла в госпитали для раненых и на фронт.

...В 1942-м году из посёлков, расположенных по Васюгану, набрали в трудовую армию 120 девушек. Нина Фатеевна помнит даже число - 2 сентября, когда она и ещё две девушки уезжали из Новоуралки. И отправили их в Новосибирск на завод №7. Завод назывался «Большевик» и расположен был на улице Большевистской. Вновь прибывших девушек поселили в общежитие, представлявшее собой огромное помещение с рядами коек. До соседней кровати расстояние – только руку протянуть. Работали в две смены: с 8 утра до 8 вечера и с 8 вечера до 8 утра. Через неделю

менялись сменами: тот, кто работал днём, выходил теперь в ночную смену. В воскресенье был выходной день. На работу приходили всегда вовремя, т.к. их предупредили, что за опоздание на 10 минут будут отдавать под суд. А работа на военном заводе была ответственной: завод изготавливал ящики под снаряды. Эта работа начиналась с нулевого цикла и представляла целую цепочку отдельных операций.

Девушек снимали с работы и отправляли на разгрузку брёвен с баржи, которая к этому времени стояла у причала. Разгружали вручную, переноса брёвна на себе на берег. Там их грузили на машины, которые отправлялись на завод. На заводе привезённый кругляк доставляли в лесопильный цех, где его разделявали на доски. А доски поступали в машинный цех, где и работали васяганские девушки. Цех не обогревался, его так и называли «холодным». На стеллажах вдоль стены в качестве образцов лежали гильзы от снарядов, для которых и делались ящики. В задачу девушек входило изготовление всех деталей для ящика. А их набиралось не так уж и мало: 2 боковые стенки в одну – две доски (в зависимости от заказываемого калибра снаряда), 2 торцевые стенки из двух планок, сбитых не вплотную, а с зазором (чтобы удобнее было ухватиться при переноске), плотно сбитые днище и крышка, на которые для прочности и для опоры прибивались снаружи по две планки. А внутри ящика к боковым стенкам и к крышке крепились по две поперечины с двумя полукруглыми выемками для снарядов. Вот эти детали и нужно было напилить.

На столешницу станка укладывалась стопка оструганных досок, поверх них накладывали металлические полосы, прикреплённые на шарнирах к упору на противоположной стороне станка. Расстояние между полосами на разных столешницах было неодинаковым, в зависимости от того, что нужно было напилить: короткие торцевые планки или длинные боковые. А затем нажатием на педаль приводилась в действие циркулярная пила,

полотно которой отсекало отрезки доски точно у металлической полосы. А внутренние поперечины с полукруглыми отверстиями изготавливались таким образом: на доски, находящиеся между упорами, опускались сверху два полых цилиндра и вырезали два круга. Уже на другом станке эти планки распиливались вдоль точно по середине.

Дальше эти детали поступали в сборочный цех, где работали только мужчины (много было парней из Белоруссии). Они складывали ящики и оббивали их края для прочности металлической лентой. А затем ящики по понтонному мосту перевозили на машинах на противоположный берег Оби в п. Кривошёково, где находился другой военный завод, уже секретный, занимавшийся выпуском снарядов. Их укладывали в ящики завода №7, а затем отправляли эшелонами на фронт.

Норму всегда выполняли, зарплату получали от 500-600 рублей и больше, если перевыполняли.

...В мае 1947 года Нина Фатеевна с дочкой Ниной вернулась в Новоуралку. И сразу же вышла на работу в лесозаготовительную бригаду, в которой были только женщины. Летом в посёлке собирались открывать спиртопорошковый завод, и для его бесперебойной работы необходимо было заготовить очень много древесины, особенно берёзы. Деревья валили двуручной пилой. Берёзовый ствол сучкорубы освобождали от веток, которые затем собирали в большие кучи и сжигали: зимой – сразу, а заготовленные весной и летом – только поздней осенью, когда ляжет снег. Затем берёзу пилили на чурки длиной 75 см, снимали с них бересту и укладывали в штабеля. К лету было запасено достаточно и дров, и древесины. Можно было приступить к строительству завода. Пока мужчины возводили корпус, женщины делали кирпичи из глины. Глина была хорошая, жирная. Её смешивали с сухой травой, набивали в формы, а затем сушили. Из высушенных кирпичей сложили вытянутую в длину печь с шестью топками. Над ними

тянулась горизонтальная труба, от которой в кирпичную кладку печи отходили шесть трубок меньшего диаметра с краниками. С обратной стороны во всю длину печи тянулась ниша. В ней лежали металлические ёмкости овальной формы – реторты. К днищу каждой из них сзади подходила трубка. Процесс выгонки спирта был сложным: из начального сырья – берёзовых чурок – нужно было получить конечный продукт – спиртопорошок.

Вот как это происходило. Окорённые берёзовые поленья закладывали в реторты, отверстия закрывали крышкой, наглухо обмазывая края глиной. Огонь в топках печей раскалял герметичные ёмкости, и в них начинался процесс выгонки. На дне реторт накапливалась жидкость цвета компота. Её между собой рабочие называли «жижкой». Так вот, когда поленья в ретортах превращались в уголь, переставали подкидывать дрова в топки. Ёмкости охлаждались, давление в них падало. Можно было без опаски открывать краники, и из реторт по трубам вытекала «жижка». По трубе большего диаметра, вышедшей сквозь стену топочного цеха, она сливалась в колоду, выдолбленную из бревна. По ней самотёком «жижка» попадала в огромный чан стоящего на отшибе цеха. В нём жидкость затравливали известью, давали отстояться хлопьям, затем переливали в другой чан. Там снова её травили, отстаивали и получали жидкость свекольного цвета. Вот эту свекольную «жижку» осторожно, чтобы не затронуть осадок, переливали в огромное металлическое корыто, находящееся наверху печи, и начинался процесс выпаривания. Испарения, поднимавшиеся вверх, были столь едучими, что вызывали безостановочные кашель и слёзы. Работницы заматывали лицо целиком, оставляя узенькую щелочку для глаз. Выпаривание продолжалось до тех пор, пока не останется половина от того, что было. Затем содержимое корыта выкладывали на металлическое сито, давали жидкости стечь (она стекала на землю и сжигала всю растительность) и получали густую массу. Эту сырую массу, перемешивая,

сушили на печи тоже в металлическом корыте, но меньшей высоты. В итоге получался порошок серого, как зола, цвета. Его закупоривали в бочки и ставили на склад. В ожидании транспорта накапливалось очень много бочек. Весной после ледохода приходил катер, тащивший баржу, гружённую известковыми камнями для завода. Обрато катер увозил не только бочки с порошковым спиртом, но и бочки с дёгтем, который гнали из бересты в дегтярном цехе.

...17 лет просуществовал Новоуральский спиртопорошковый завод. А в 1964-м году его закрыли. Н.С.Хрущёв провозгласил, что «коммунизм – это советская власть плюс химизация всей страны», и промышленное производство искусственного заменителя порошкового спирта оказалось проще и дешевле. Взрослое население Ново-Уралки, потеряв работу, стало уезжать в её поисках и, найдя, перевозило свои семьи в Мыльджино, Большую Гриву, Новоюгино, Канаскино, Каргасок. Вот и Нина Фатеевна с семьёй (она к этому времени вышла замуж за Недоступа Михаила Ивановича) переезжает сначала в Усть-Старицу, где работает скотницей в откормсовхозе, а в 1966-м году - в Новоюгино. Здесь они купили небольшой домик на берегу Васюгана...

...Нина Фатеевна вспоминает о том, как, по приезде устроившись разнорабочей, штукатурила здание новой школы. Внутри полов нигде не было, козлы стояли прямо на земле, и нужно было по лестнице поднимать вёдра с раствором глины на высоту 5 метров. Как болели потом руки!

Сколько ещё воспоминаний хранит Нина Фатеевна, какая дивная у неё память: до мельчайших подробностей помнит всё с раннего детства! А как интересно рассказывает!

Записала учитель истории Фёдорова Т. И., 2005г.